

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

[218]

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(148)

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т :

академик РАО, д.и.н., проф. Л. С. Белоусов (сопредседатель);
академик РАН, д.и.н., проф. С. П. Карпов (сопредседатель);
д.и.н., проф. Н. С. Борисов;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Л. И. Бородин;
д.и.н., проф. А. Г. Голиков; д.и.н., проф. С. В. Девятков;
д.и.н. О. Е. Казьмина; д.и.н. А. Р. Канторович;
гл.н.с., д.и.н. Л. В. Кошман; Н. В. Литвина; д.и.н., проф. Г. Ф. Матвеев;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. С. В. Мироненко; к.э.н. С. В. Орлов;
академик РАН, д.и.н., проф. Е. И. Пивовар;
д.и.н. А. В. Подосинов; д.филол.н., проф. О. В. Раевская;
к.и.н. Ю. Н. Роголев; д.и.н. С. Ю. Сапрыкин;
член-корреспондент РАН, д.иск., проф. В. В. Седов;
д.э.н., проф. В. В. Симонов; к.и.н. О. В. Солопова;
к.и.н. А. А. Талызина

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**НАУЧНЫЕ МИРЫ
ПРОФЕССОРА
К.И. КОЗЛОВОЙ –
к столетию со дня рождения**

Коллективная монография

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2022

УДК 39(=511.1)

ББК 63.5

Н 347

*Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
от 28.06.2022 г. (протокол № 6)*

*Исследование выполнено в рамках Программы развития
Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского
университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»*

Редакторы:

доктор исторических наук *О.Е. Казьмина*, доктор исторических наук,
профессор *В.В. Карлов*, кандидат исторических наук *Г.Ю. Устьянцев*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *М.Ю. Мартынова*
(Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН)
кандидат исторических наук, доцент *О.В. Солопова*
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Н 347 Научные миры профессора К.И. Козловой – к столетию со дня рождения: коллективная монография / под ред. О. Е. Казьминой, В. В. Карлова, Г. Ю. Устьянцева. – СПб.: Алетейя, 2022. – 262 с.: ил. – (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 218. Сер. II: Исторические исследования, 148).

ISBN 978-5-00165-549-7

Коллективная монография посвящена столетию профессора, видного этнолога К. И. Козловой, более пятидесяти лет проработавшей на кафедре этнологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. В книге в контексте истории кафедры этнологии и развития советской/российской этнологической науки рассматриваются научно-педагогическая биография Клавдии Ивановны, ее жизненный путь, заложенные ей академические традиции, роль в формировании школы финно-угроведческих и поволжских исследований. В монографии также показано современное состояние и перспективы финно-угроведения и изучения Урало-Поволжья. Анализируются проблемы этнической структуры и этнической классификации поволжских народов и их отражение в современном отечественном исследовательском дискурсе, выявляются специфика конфессиональной идентичности и межконфессиональных взаимодействий в регионе и обусловленный этой спецификой характер религиозности, демонстрируются особенности некоторых элементов материальной культуры и раскрывается своеобразие традиционных социальных институтов.

УДК 39(=511.1)

ББК 63.5

ISBN 978-5-00165-549-7

9

7 85 001 6 554 97

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Коллектив авторов, 2022

© Исторический факультет МГУ, 2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

**НАУЧНЫЕ МИРЫ
ПРОФЕССОРА
К.И. КОЗЛОВОЙ –
К СТОЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

Клавдия Ивановна Козлова

Введение

ТРАДИЦИИ КАФЕДРЫ ЭТНОЛОГИИ, НАСЛЕДИЕ УЧИТЕЛЕЙ И НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ К.И. КОЗЛОВОЙ

17 ноября 2022 г. исполняется сто лет со дня рождения профессора Клавдии Ивановны Козловой (1922–2015). Эта книга – дань памяти и знак глубокого уважения учеников и коллег Клавдии Ивановны. Одновременно этот юбилей – хороший повод поразмыслить об истории кафедры этнологии, о ее традициях и тех заветах, которые оставляют нам наши предшественники, в данном случае К.И. Козлова. Ведь не просто вся ее взрослая жизнь была связана с историческим факультетом, но и пятьдесят шесть лет жизни отданы работе на кафедре этнологии, где Клавдия Ивановна трудилась до 2005 г. и затем не прерывала связь до конца своей жизни. К.И. Козлова оказалась на кафедре очень вскоре после ее создания, и ее биография не отделима от истории кафедры. Наш долг – помнить наследие наших учителей и предшественников, не прервать нить преемственности и передать заложенные ими традиции нашим ученикам. А для этого необходимо понимать историю кафедры в контексте биографий ее выдающихся представителей.

Кафедра этнографии (с 1992 г. кафедра этнологии) была основана в 1939 г. усилиями, энтузиазмом и академической и административной мощью С.П. Толстова, который стал ее первым заведующим и пригласил на кафедру блестящих ученых, совмещавших преподавание на кафедре с работой в Институте этнографии РАН. Среди первого состава преподавателей кафедры были С.А. Токарев, М.О. Косвен, Н.Н. Чебоксаров, В.И. Чичеров, Е.М. Шилинг, Б.И. Шаревская. У этих корифеев и училась студентка Козлова, поступившая на исторический факультет МГУ в 1940 г. Как спустя десятилетия вспоминала Клавдия Ивановна, она с первой недели учебы в университете решила, что станет этнографом, и произошло это под впечатлением от первой лекции по этнографии, прочитанной С.П. Толстовым первокурсникам (*Карлов* 2012: 21).

Поэтому, когда наступило время выбора специализации, она уверенно пришла на кафедру этнографии. Вот она роль яркого харизматичного преподавателя, способного с первой лекции предопределить научную судьбу студента. В этой книге мы найдем подобные примеры, когда уже К.И. Козлова с первых лекций привязывала студентов к этнографии.

Выбрав кафедру для студенческой специализации, она осталась здесь на всю свою трудовую жизнь. Тогда, в далекие 1940-е – годы студенчества К.И. Козловой – закладывались основные принципы преподавания этнологии на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, которые означали сочетание общетеоретических курсов, включая теоретические подходы к изучению первобытного общества, курсов по этнографии регионов – зарубежных и отечественных, и серьезной полевой подготовки. И в теоретических курсах, и в региональных поддерживалась мощная междисциплинарная составляющая, и для этнографического изучения привлекались данные смежных дисциплин: археологии, физической антропологии, лингвистики, географии. Эти принципы были глубоко усвоены студенткой Козловой, а затем развиты в научных трудах исследователя К.И. Козловой и переданы следующим поколениям студентов педагогом К.И. Козловой, которая со свойственной ей ответственностью несла эту нить преемственности от блестящей плеяды первого преподавательского состава кафедры этнографии. К.И. Козлова закончила университет в победном сорок пятом, а годы ее специализации по кафедре пришлось на военное лихолетье. Однако и в это тяжелейшее время экспедиционная работа кафедры не останавливалась. В свои студенческие годы К.И. Козлова участвовала в двух кафедральных экспедициях в Дагестан. На собранном в Дагестане полевом материале была написана ее дипломная работа об аварском жилище. После окончания университета Клавдия Ивановна была принята в кафедральную аспирантуру, где тематика ее исследований сильно поменялась. Перед ней была поставлена задача взять поволжскую тему с перспективой в дальнейшем развивать преподавание Поволжья на кафедре. Выбрав в качестве специализации изучение марийцев, К.И. Козлова с энтузиазмом и тщательностью погрузилась в новое поле (кстати, эти качества – энтузиазм и тщательность вместе с высочайшей ответственностью были для нее характерны на протяжении всей научно-педагогической деятельности). Ее научным руководителем был выдающийся специалист по

истории первобытного общества, исследовавший среди многих других сюжетов социальные институты доклассового общества, М.О. Косвен. В 1949 г. К.И. Козлова успешно защитила кандидатскую диссертацию «Пережитки родовой организации у мари в XIX в.» и была принята на работу сразу в должности старшего преподавателя кафедры этнографии, став первой выпускницей кафедры, влившейся в ее преподавательский коллектив. С 1950 г. на протяжении многих лет Клавдия Ивановна руководила Поволжской экспедицией кафедры. Всего же К.И. Козлова провела 37 экспедиций со студентами в разных регионах Советского Союза. География ее полевой работы, кроме Поволжья, включала Кавказ, Сибирь, Прибалтику. Полевой работе Клавдия Ивановна придавала первостепенное значение, и этому учила своих учеников. «Надо быть хорошим полевиком... Это самое главное для этнографа», – завещала она следующим поколениям исследователей (Карлов 2012: 30). Ее исследовательским кредо было тщательное полевое изучение народа, свои лекции она также любила в значительной степени строить на осмыслении данных, полученных в экспедициях.

Начав работать на кафедре, Клавдия Ивановна стала преподавать курс по этнографии Поволжья. Но следуя уже сложившейся на кафедре традиции, этим не ограничивалась. В разные годы она читала общие курсы по истории первобытного общества и этнографии, лекции по этнографии народов СССР, истории семьи у народов СССР и другие. Как и ее блестящие учителя, Клавдия Ивановна не замыкалась в узкой проблематике, а наоборот, расширяла географические и тематические рамки своих исследований и читавшихся ею учебных курсов, постепенно формируя на кафедре вместе с Л.П. Лашуком и В.В. Пименовым научную школу финно-угроведения и вместе с В.В. Пименовым традицию исследований в области этнологии Поволжья. Финно-угроведение и изучение Поволжья и сейчас остаются одним из важных направлений специализации на кафедре этнологии. В 1958 г. К.И. Козлова была переведена на должность доцента. В 1969 г. она защищает докторскую диссертацию «Очерки исторической этнографии марийского народа». На материале диссертации и результатах дальнейших исследований в 1978 г. К.И. Козлова издает монографию «Очерки этнической истории марийского народа» (Козлова 1978) – фундаментальный труд, написанный на основе обширного полевого материала и архивных документов и с привлечением данных смежных дисциплин в лучших традициях кафедры этнологии. Главным делом своей жизни К.И. Козлова считала

передачу опыта и знаний ученикам, формирование новых поколений специалистов-этнографов. Основным каналом такой преемственности, естественно, были ее лекции и кропотливая индивидуальная работа с дипломниками и аспирантами. Но традиции кафедры и ее подходы к обучению нашей дисциплине транслировались и в учебниках, выпускавшихся кафедрой. К.И. Козлова была одним из авторов всех вузовских учебников, подготовленных кафедрой (Основы этнографии 1968, Этнография 1982, Этнология 1994, Основы этнологии 2007). Перу К.И. Козловой принадлежат и два авторских учебных пособия (*Козлова* 1964, *Козлова* 1967, 1972). С 1973 г. К.И. Козлова была профессором кафедры, а в 2003 г. признанием ее научных и педагогических заслуг стало присуждение звания заслуженного профессора МГУ.

За свою долгую преподавательскую карьеру Клавдия Ивановна подготовила большое число выпускников кафедры, написавших под ее руководством свои дипломные работы, а также немало кандидатов и докторов наук. Авторский коллектив этой монографии в значительной степени состоит из ее учеников.

Более подробно о биографии К.И. Козловой, ее научной и педагогической карьере, особенностях личности и чертах характера, взаимоотношениях с коллегами и учениками будет сказано в первой главе коллективной монографии – «Клавдия Ивановна Козлова. Ученый. Учитель. Человек». В книге имеются повторы о некоторых вехах в жизни К.И. Козловой и ее личных качествах. Однако это не недоработка или небрежность редакторов. Мы сознательно оставили в тексте эти повторы, которые ярче отражают жизненный путь и личность К.И. Козловой, показывают ее преданность этнографии, значимость для нее этнографического поля, трепетное и требовательное отношение к ученикам, сильное чувство ответственности.

Вместе с тем у авторов книги не было стремления нарисовать идеализированный образ. У К.И. Козловой временами были сложные отношения с некоторыми из коллег по цеху, случались непростые споры и жаркие дискуссии, выливающиеся в формирование групп, притяжения и отторжения. Но все это не удивляет, это удел сильной личности и целостной натуры. А ярких блестящих ученых всегда на кафедре было немало. Они несли и передавали следующим поколениям этнологов традиции, на основе которых строится преподавание на кафедре этнологии исторического факультета Московского университета и в настоящее время. Это сочетания теоретических курсов и региональ-

ных, внимание к изучению традиционного и современного, важность междисциплинарных связей и включение в программу базирующихся на междисциплинарности курсов, неизменное изучение этнического (в том числе теоретическое осмысление этноса и этничности), но и включение в исследовательское поле изучения других культурных идентичностей. Мы не противопоставляем этнографию, этнологию и социокультурную антропологию, а выстраиваем из них единую линию. Профессиональное становление студентов идет от постижения этнографической эмпирики через этнологический анализ к антропологической концептуализации.

Биографическая глава монографии начинается параграфом «Трудовая жизнь профессора К.И. Козловой: роскошь как составная часть профессионального ремесла», написанным В.В. Карловым, который не был непосредственным учеником Клавдии Ивановны, но был не просто ее коллегой на протяжении долгого периода, а близким другом семьи К.И. Козловой и Л.П. Лашука, имевшим возможность много и неформально общаться с Клавдией Ивановной и видеть ее в разных жизненных ситуациях. Это позволило Виктору Владимировичу показать трудовой путь К.И. Козловой как на фоне истории кафедры, так и в контексте истории ее семьи, в связи с развитием финно-угроведческих и поволжских исследований и в привязке к сущностным, на его взгляд, чертам ее характера. Характеризуя Клавдию Ивановну как исследователя, В.В. Карлов особо подчеркивает ее талант глубоко и тонко анализировать сложный материал, показывать историческую картину во всей ее полноте и нередко противоречивости, на основе нюансированной интерпретации фактических данных выявлять формат этнических связей в тот или иной конкретный период. А из личных качеств Клавдии Ивановны он прежде всего отмечает добросовестность и обязательность, доброжелательность и отзывчивость, терпение и житейскую мудрость. Взгляд и коллеги и друга позволил Виктору Владимировичу создать многомерный биографический рассказ и историографический обзор научного наследия К.И. Козловой, одновременно академичный и эмоционально-личный текст.

Сочетание личностно-эмоционального и субъективно-психологического восприятия фигуры К.И. Козловой с анализом контекста развития науки представлено в параграфе Т.Д. Соловей «Советский профессор-этнограф Клавдия Ивановна Козлова: между идеалом и действительностью». Здесь предпринята попытка ответить на весьма

общий и сложный вопрос: каково соотношение в формировании картины мира и интеллектуального стиля Клавдии Ивановны объективных биографических и социо-политических коллизий, с одной стороны, и особенностей ее психотипа, с другой. Для ответа на этот вопрос автор анализирует особенности развития кафедры этнографии (этнологии) исторического факультета МГУ в конце 1980-х – 1990-е годы, выстраивание отношений между коллегами и проявление сложных позиционирований в рутине кафедры. Но как специалист по истории отечественной этнологии Т.Д. Соловей рассматривает это сквозь призму истории кафедры, положения науки в обществе и государстве в досоветский и советский периоды, не обходит стороной научные дискуссии о природе этноса и предмете этнографии (этнологии) и их связи с научной биографией К.И. Козловой.

Другие четыре параграфа первой главы можно было бы объединить под рубрикой «Воспоминания благодарных учеников». В параграфе «Клавдия Ивановна Козлова: вспоминая Учителя и Ученого» речь идет о том влиянии, которое К.И. Козлова оказывала на своих учеников, помогая им в научном становлении. История, представленная в этом параграфе, похожа на истории других многочисленных учеников К.И. Козловой, которые неизменно подчеркивают, что ключевыми чертами преподавательского стиля К.И. Козловой были логика и последовательность изложения материала, высокая требовательность к себе и ученикам, умение заинтересовать студентов. Все это, естественно, привлекало учеников, которые также ценили ее доброжелательность и искреннюю заинтересованность в их успехах, выстраивание с учениками творческого союза, где учитель не поучает, но учит. Как и многие другие, автор этого параграфа отмечает простую и непринужденную манеру К.И. Козловой в изложении на лекциях сложного и теоретически насыщенного материала. В этом тексте, как и в ряде других, отмечается та роль, которую профессор Козлова придавала этнографическому полю, и ее абсолютный императив в этнологических исследованиях опираться на полевые, архивные источники и данные смежных наук. Как и далее в этой главе, здесь обращается внимание на гостеприимство, радушие и хлебосольство Клавдии Ивановны, которые сполна получали ее ученики.

Лирично-поэтическим и очень личным можно определить параграф «Матриарх кафедры этнологии». Его автор – В.Е. Владыкин – показывает, как первая же лекция Клавдии Ивановны прочно его

привязала к неизвестной ему до этого науке этнографии, а первая экспедиционная поездка с Клавдией Ивановной сделала эту связь с этнографией неразрывной и определила всю дальнейшую научную судьбу. И опять здесь те самые повторы, которые редакторы намеренно не стали убирать: широта научных интересов К.И. Козловой, ее талант просто говорить о сложном, важность для нее этнографического поля и виртуозность работы в нем, заботливо-требовательное отношение к ученикам, радушие хозяйки и умение создать домашнее тепло и уют.

Автор параграфа «Учитель: воспоминания ученика» преисполнен благодарностью и любовью к научному руководителю, мудро и деликатно открывавшему студентам мир этнологической науки с ее непременно экспедиционной составляющей.

Завершает главу параграф «Из писем и личного общения с профессором К.И. Козловой: "...Я должна сдержать обещанное слово"». Автор показывает, как одна, в общем-то весьма формальная встреча – К.И. Козлова была официальным оппонентом на его защите кандидатской диссертации – вылилась в многолетнее научное взаимодействие и теплые личные отношения, связывая это с чертами характера и особенностями профессионального стиля Клавдии Ивановны и подкрепляя свои воспоминания выдержками из адресованных ему писем К.И. Козловой.

Вторая и третья главы монографии показывают связь научного наследия профессора Козловой с изысканиями ее учеников и представителей следующих поколений этнологов. Вторая глава «Марийские исследования – главная научная любовь К.И. Козловой» посвящена некоторым аспектам этнологии марийцев. Начинается она с теоретико-историографического параграфа «Проблема этнической классификации марийцев в отечественном исследовательском дискурсе XX–XXI вв.». Автор показывает сложность выделения этнографических, субэтнических, региональных или локальных групп марийцев и связывает подходы к таксономии с принятой в советское время теорией этноса, задачами национальной политики, множественностью оснований к выделению различий в соответствии с дисциплинарной принадлежностью исследователей, сменой исследовательской парадигмы к изучению этнического в постсоветское время.

Одним из идентификационных кодов различных групп марийцев выступает народный костюм, важным элементом орнаментации которого всегда была вышивка. У марийцев традиционная одежда бытовала

в сельской местности вплоть до 1970-х годов. Но и позже, когда большинство марийцев стали носить современную одежду, традиционный костюм у старшего поколения сохранялся как похоронно-поминальный и праздничный. Продолжал он использоваться и как сценический. Сохранение и развитие традиционной марийской вышивки, а вместе с ней и традиционного костюма в значительной мере стало возможным благодаря работающим в Республике Марий Эл народным студиям. Эти сюжеты рассматриваются в параграфе «Современная марийская вышивка и роль народных студий в ее развитии».

Музейные коллекции всегда были одним из важных этнографических источников. В параграфе «История музеефикации и анализ марийских сакральных предметов С.К. Кузнецова в Этнографическом музее Венгрии» речь идет о коллекции, которую директор Этнографического музея Венгрии Янош Янко в 1898 г. приобрел у известного финно-угроведа С.К. Кузнецова. Однако из-за внезапной смерти Я. Янко коллекция 100 лет пролежала в запасниках, некоторые ее предметы были утрачены. Лишь относительно недавно коллекция была описана. В тексте анализируются марийские сакральные предметы из этой коллекции.

В отличие от остальных параграф «Марийцы Каксинвайской округи (Из воспоминаний этнографа)» имеет явный художественно-публицистический характер и служит колоритной иллюстрацией некоторых элементов культуры и быта марийцев.

Авторы этой главы ссылаются на работы К.И. Козловой и прежде всего ее монографию «Очерки этнической истории марийского народа» (Козлова 1978).

Тематика третьей главы монографии «Финно-угроведческая и Урало-Поволжская этнологическая мозаика: историография, поле, современные тенденции», написанной почти исключительно учениками К.И. Козловой, весьма широка, что отражает как обширный спектр научных интересов Клавдии Ивановны, так и динамичное развитие ее школы и смежных исследований. В параграфах этой главы рассматриваются теоретико-историографические проблемы, исследуются разные аспекты истории и культуры ряда народов региона, выявляются междисциплинарные связи при изучении региона.

В параграфе «Род в проблемном поле обско-угорской историографии» дается глубокий анализ историографии по проблемам рода и родового строя у обских угров, прослеживается динамика концептуальных представлений о роде и родовой организации у хантов и манси

с XIX в. по настоящее время. Автор подчеркивает, что современные этнологи обращают внимание на то, что в прошлом у обских угров были разные типы родов, выполнявших разные функции.

Автор параграфа «Изучение этнографических групп удмуртов» предлагает свою классификацию этнографических групп удмуртов, выработанную на основе сопоставления этнографических и лингвистических данных и доказывает ее убедительность. В параграфе подчеркивается, что К.И. Козлова настаивала на важности и необходимости проведения таких исследований.

В параграфе «Татары Удмуртии: локальные группы, этничность, религиозные практики» прослеживаются результаты исследований об освоении татарами и их предками территории Удмуртии, анализируется формирование локальных групп и динамика их численности, рассматриваются особенности этнической идентичности татар Удмуртии и различия в характере религиозности татар южного и северного ареалов. Особое внимание обращается на складывание суфийской практики у чепецких татар, представляющих северный ареал.

Изучению этнографического своеобразия Удмуртии посвящен и параграф «Современный общественный праздник бесермян: от деревенского моления к фестивалю». Автор показывает механизм актуализации традиционной праздничной культуры и создание на этой основе новых форм культурных событий – современных общественных праздников – и связывает это явление с символическим закреплением факта восстановления в конце XX в. бесермянами своего исторического имени. Эти современные праздники, сохраняя элементы традиционных или их названия, наполняются иным содержанием. Такое наполнение традиционных форм новым содержанием демонстрируется на примере праздника *Көрбан* (жертвоприношение) Общества бесермянского народа в Удмуртской Республике.

Три следующих параграфа этой главы написаны на мордовском материале. В параграфе «Историография этнополитической истории Республики Мордовии» представлены работы, отражающие особенности этнополитической истории Мордовии советского и постсоветского периодов, и труды, выявляющие специфику этноконфессиональных процессов в республике.

Одной из групп мордвы посвящен параграф «Традиционная женская одежда середины XIX в. села Адашево Инсарского уезда по материалам архива РГО». Ценным источником для изучения этого локального варианта мокшанской женской одежды стали детальные данные,

собранные священником Я. Боголюбовым по специальной программе Русского географического общества.

О конфессиональной специфике другой группы мордвы повествует параграф «Старообрядческие общины мордвы Самарского края в XIX – начале XX века». Этнотерриториальная группа мордвы Самарского края постепенно сформировалась в XVII–XIX вв. в результате сельскохозяйственного освоения этих земель. Ее образовали как эрзя, так и мокша, переселившиеся из окрестностей Нижнего Новгорода, Симбирска, Тамбова и Пензы. Среди переселенцев были православные (принадлежавшие и к официальной церкви, и к различным согласиям старообрядчества), протестанты и последователи традиционных верований. Е.И. Ведерникова и П.В. Половинкин на основе обширных архивных материалов и различных опубликованных источников, а также с привлечением собственного полевого материала рассматривают старообрядческую часть этой группы, ее конфессиональную неоднородность и связанные с этим особенности религиозных практик и повседневной культуры.

В параграфе «Религиозные практики чувашей на рубеже XX–XXI вв.: традиции и их трансформация» анализируются особенности религиозности двух этноконфессиональных групп чувашей – православных и некрещеных. На обширном полевом материале автор рассматривает трансформацию традиционных форм культа в конце XX–XXI в. и убедительно доказывает, что у обеих изучаемых групп есть явные расхождения между декларируемой конфессиональной идентичностью и актуальными религиозными практиками. У православных наблюдается православно-языческий синкретизм и двоеверие. Некрещеные инкорпорируют элементы православной культуры и участвуют в православных обрядах. Такие несоответствия автор объясняет неустойчивостью конфессиональных «границ».

В последнем параграфе «Финно-угроведение в итальянской научной традиции: специфика подхода» автор объясняет сложившиеся приоритеты в итальянских научных центрах, занимающихся изучением финно-угроведения.

Завершается книга изложением взгляда редакторов монографии на перспективы дальнейшего развития финно-угроведения на кафедре этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в русле сохранения школы К.И. Козловой, передачи традиций и рецепции наследия учителей.

ЛИТЕРАТУРА:

Карлов В.В. 56 лет «этнографического счастья»: Интервью профессора В.В. Карлова с профессором К.И. Козловой // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею доктора исторических наук, профессора Клавдии Ивановны Козловой. Сборник научных статей. М., 2012.

Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

Основы этнографии / Под редакцией С.А. Токарева. М., 1968.

Основы этнологии / Под редакцией В.В. Пименова. М., 2007.

Этнография / Под редакцией Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. М., 1982.

Этнология / Под редакцией Г.Е. Маркова и В.В. Пименова. М., 1994.

Глава 1

КЛАВДИЯ ИВАНОВНА КОЗЛОВА. УЧЕНЫЙ. УЧИТЕЛЬ. ЧЕЛОВЕК

§1. Трудовая жизнь профессора К.И. Козловой: роскошь как составная часть профессионального ремесла

Это рассказ не о ремесле ювелира, он о человеке, всю жизнь занимавшемся совсем иной профессией, этнографией, – об одном из известных и авторитетнейших отечественных этнографов Клавдии Ивановне Козловой, профессоре кафедры этнологии МГУ им. М.В. Ломоносова. 17 ноября 2022 г. исполняется 100 лет со дня ее рождения. А причем тут роскошь, читателю станет ясно из нижеследующего изложения о ее долгой и плодотворной трудовой жизни. Клавдия Ивановна – один из преподавателей кафедры старшего, но второго по времени поколения ее сотрудников. Здесь она проработала всю свою жизнь, долгие 56 лет, с 1949 по 2005 гг. С кафедрой судьба будущего профессора оказалась связана практически через год после ее основания (1939 г.). На истфак она была принята без экзаменов, как окончившая среднюю школу с золотой медалью, в 1940 г. В первую же неделю учебы первокурсники слышали лекцию Сергея Павловича Толстова по этнографии. Увлеченная блестящим рассказом об этой до тех пор не известной ей науке, юная студентка Козлова сразу решила для себя, что будет этнографом. Спустя 2 года учебы, перейдя на третий курс, она пришла на кафедру для продолжения профессионального образования по избранной специальности.

Так судьба будущего профессора как этнолога определилась отчасти неожиданно для самой Клавдии Ивановны. Поэтому не лишне коротко рассказать об обстоятельствах и условиях, в которых она выросла. Родилась Клавдия Ивановна в с. Васильевском Михневского района Московской области. Отец ее был рабочим, а мать, родом из этого подмосковного села, происходила из крестьянской семьи и после рождения дочери не работала: семья вскоре стала многодетной, вслед

за ней, первой дочерью, родились еще 2 брата и 2 сестры. Вскоре после рождения дочки Клавды семья переехала в Москву и поселилась в старом московском районе, на Таганке (или «в Таганке» – Клавдия Ивановна всегда поправляла нас, если мы говорили «на», прибавляя, что старые москвичи всегда говорили только «в»). Здесь она выросла и окончила школу, так что вполне обоснованно считала себя коренной москвичкой. В школе девочка училась с интересом, успевала по всем предметам, но больше была склонна к гуманитарным.

Семья была большой, дружной и крепкой. Отношения постоянной взаимной помощи и поддержки, объединявшие всех ее членов, строгое, но неизменно справедливое отношение родителей ко всем детям Клавдия впитала с раннего детства и сохранила в отношениях с родными на всю жизнь. Много впечатлений о народной жизни и о неписанных этических нормах получила она и во время летних выездов в Васильевское, где был дом родителей ее матери. Возможно, эти детские впечатления сыграли не последнюю роль в выборе ею будущей профессии уже в сознательном возрасте. А свойственное ей чувство личной ответственности за ближнего в немалой степени было воспитано опытом отношений с младшими братьями и сестрами, позже оно перешло и на органически присущую ей родственную заботу об их детях, племянниках и племянницах.

Начались годы студенчества счастливо и удачно, но лишь первый курс довелось учиться в мирное время, остальные годы учебы совпали с Великой Отечественной войной. Университет продолжал работать и в условиях войны: занятия прерывались только на несколько месяцев. Поразительно, что в годы, когда страна вела труднейшую борьбу за выживание, напрягая для этого все силы, подготовка специалистов самых разных отраслей знания велась по-прежнему без каких-либо ограничений. МГУ находил средства и возможности даже для проведения полноценных этнографических полевых исследований с участием студентов, то есть в годы Великой Отечественной подготовка этнографов шла по полной программе, включая экспедиционную практику. Профессор С.П. Толстов, основатель и первый руководитель кафедры этнографии, считал неременным условием профессиональной подготовки обязательное участие студентов в экспедициях, в чем как специалист-этнограф был абсолютно прав. Но удивительно то, что его позиция находила понимание даже в годы войны, в то время, когда, казалось бы, стране в условиях столь суровых испытаний и напряжения

до подготовки специалистов такой редкой профессии не должно быть никакого дела! Но и тогда подготовка молодых этнографов велась без изменений: обучаясь на кафедре, Клавдия Ивановна в 1944 и 1945 гг. смогла принять участие в двух экспедициях в Дагестан под руководством доцента Евгения Михайловича Шиллинга и получить необходимый опыт полевой работы. В этих поездках определились ее научные интересы: этнография народов Кавказа. Дипломная работа была посвящена материальной культуре аварцев (аварскому жилищу). Диплом был защищен на «отлично», и выпускница получила рекомендацию в аспирантуру кафедры. Поступив в аспирантуру, она намеревалась посвятить тему кандидатской работы этнографии одного из народов юга Дагестана, цахуров, тогда изученного еще недостаточно. Однако эти планы по воле заведующего кафедрой пришлось изменить. Клавдия Ивановна так вспоминала о том, как это произошло:

«На заседание пришел Толстов, он вообще редко ходил, у него 20 должностей было: там – директор, там – проректор, там – еще кто-то, и в Ленинграде, и в Москве... Не знаю, как он успевал [...] Но тут на заседание он пришел. Заседание вел Николай Николаевич Чебоксаров. Когда дошла очередь до меня, он сказал: “Вот Клавдия Ивановна Козлова, она будет заниматься цахурами”. Толстов сначала одобрил: “Ну что же, народ интересный, совершенно неизученный. А что, у нас будет экспедиция к цахурам?” Чебоксаров сказал: “Нет”. “А с кем же она поедет?” – спросил Толстов. “Одна”, – ответил Чебоксаров. Толстов: “Ук-ра-дут!”. Он так это мощно произнес, никогда не забуду. “Нечего, сказал он, ей одной у цахуров делать! – и продолжил – Вот у нас как-то совершенно заброшено Поволжье. Будет заниматься Поволжьем”. Он был властный мужик, с характером, когда-то сам начинал с Поволжья, потом только перешел на Среднюю Азию. “Вот, выбирайте народ, можно удмуртами заняться, марийцами, а неплохо бы и чувашами» (Карлов 2012: 22).

Столь кардинальное изменение научной специализации не поколебало решимость аспирантки всерьез заниматься наукой. Ее выбор остановился на этнографии марийцев, на исследовании архаических форм социальной структуры марийского этноса в рамках родственных и соседских связей. Утвержденной темой кандидатской диссертации стали «Пережитки родовой организации у мари в XIX веке». Научным руководителем К.И. Козловой был назначен профессор Марк Осипович Косвен, известный и авторитетный специалист в области изуче-

ния функционирования и воспроизводства доклассовых социальных структур.

Клавдия Ивановна сразу же очень активно начала собирать необходимый для работы полевой и архивный материал, за короткий срок смогла объездить все районы расселения марийцев как в границах автономии, так и за ее пределами. Ее исследование, основанное на большом и оригинальном фактическом материале и его глубоком профессиональном анализе, было завершено в срок и успешно защищено в 1949 году. Кафедра, по достоинству оценив научный потенциал и личные качества нового кандидата наук Козловой, приняла решение оставить молодую выпускницу аспирантуры в штате в должности старшего преподавателя. Таким образом, Клавдия Ивановна стала первой из плеяды кафедральных сотрудников, кто получил уже именно здесь высшую профессиональную подготовку и квалификацию.

Включилась она в состав преподавателей спустя 10 лет после основания кафедры. Небольшому тогда коллективу сотрудников удалось создать за эти годы стройную и логически выверенную систему подготовки этнологов-профессионалов. Важнейшей ее характерной особенностью было то, что предмет этнографической науки виделся не просто как история формирования, развития, взаимодействия культур отдельных народов (этносов). Основой понимания этнического как некоей целостности был сплав общего и особенного в культуре, из интегративной совокупности которого и складывается предметное поле этнографии (*Лапчук, Марков* 1984: 289–293).

Программа подготовки включала обязательное усвоение этнографической картины мира для всех специализирующихся по кафедре студентов, а затем углубленное постижение этнокультурных реалий избранных для будущей специализации народов или регионов. Их изучение было непременно связано с полевой экспедиционной работой как преподавателей, так и студентов кафедры.

В годы учебы Клавдии Ивановны общий курс для историков по основам этнографии читал С.П. Толстов, по истории первобытного общества – М.О. Косвен. Специализация же на кафедре предполагала усвоение набора общих и специальных курсов и работу в семинарах. Историю хозяйства доклассового общества преподавал Н.Н. Чебоксаров, материальной культуры – Е.М. Шиллинг, родовой организации – М.О. Косвен, религиозных верований – С.А. Токарев. Обязательными базовыми предметами для всех студентов кафедры были этнография

народов СССР (С.А. Токарев), народы зарубежной Азии (С.П. Толстов), зарубежной Европы (Н.Н. Чебоксаров), Африки и Америки (Б.И. Шаревская), Австралии и Океании (С.А. Токарев и С.П. Толстов). Н.Н. Чебоксаров читал основы этнической антропологии. Специализированные курсы велись по регионам: С.П. Толстовым – по Средней Азии, С.А. Токаревым – по славянам, Н.Н. Чебоксаровым – по неславянским народам Европейской части страны, Е.М. Шиллингом – по Кавказу. Специализацией по народам Сибири руководили С.А. Токарев и Б.О. Долгих (он привлекался в 1940-е гг.). Курс по русскому фольклору читал В.И. Чичеров.

Важно отметить и то, что становление К.И. Козловой как ученого и педагога пришлось на годы, довольно сложные для этнологии, как и для всей исторической науки. Время острых, с «оргвыводами», споров и дискуссий, где преобладала не научная аргументация, а прежде всего и чаще всего надуманные и кем-то инспирированные идеологические и политические мотивы, постепенно оставалось позади. После выступления Сталина по вопросам языкознания с критикой учения Н.Я. Марра и марризма ситуация в этнографии стала спокойнее. То, что становление Козловой как ученого-этнографа прошло в непосредственном контакте и общении с такими выдающимися учеными, как Толстов и Токарев, безусловно стало большой для нее удачей. Во-первых, этим двум «корифеям» отечественной науки, пожалуй, в равной степени принадлежит заслуга создания кафедры в МГУ. Во-вторых, они, будучи и ведущими специалистами в Институте этнографии АН СССР (С.П. Толстов с 1943 по 1966 гг. был его директором) сумели защитить сам предмет этнографии/этнологии от попыток откровенной его идеологизации со стороны конъюнктурщиков-вульгаризаторов якобы в духе марксизма. Оба они внесли важнейший вклад в понимание специфики этноса и этнического в истории, даже несмотря на то, что «в духе времени» иногда вынуждены были делать некие «ритуальные жесты» в русле официальных идеологических стереотипов, хотя оба отчетливо понимали разницу между марксизмом как эффективным исследовательским методом и идеологическими догмами. Немаловажно и то, что оба виднейших этнографа страны XX века отнюдь не считали, что этнография должна заниматься только традиционными доиндустриальными культурами, и большое внимание уделяли осмыслению роли, места и предмета этнографии в отношении изучения современности.

Для профессионального становления молодой исследовательницы было немаловажно, что ей довелось работать вместе с такими выдающимися учеными в годы, когда советская этнография послевоенных лет обретала свой предмет в синтезе историко-генетического и конкретно-исторического методов подхода к изучению этнокультурной действительности. Серьезная заслуга в становлении основных принципов профессионального знания принадлежала многим преподавателям кафедры, учителям и коллегам К.И. Козловой, этнографам старшего поколения, с работами которых связаны крупные достижения советской школы этнографии. Кроме упомянутых учителей и коллег Клавдии Ивановны, с кафедрой сотрудничали, читали спецкурсы и вели спецсеминары такие выдающиеся ученые из академических институтов, как, например, Б.О. Долгих, В.Н. Чернецов, Ю.П. Аверкиева, В.М. Бахта, позднее Ю.Б. Симченко, и другие. Непосредственный контакт и общение с этими блистательными учеными и неординарными личностями, талантливыми педагогами, настоящими энтузиастами и подвижниками научного этнографического знания, как и с целым рядом коллег из Академии наук, из местных поволжских и кавказских научных и учебных центров, несомненно оказали влияние на формирование научного мировоззрения и педагогического таланта К.И. Козловой.

С приемом К.И. Козловой в штат кафедры началось пополнение кафедрального коллектива собственными выпускниками из числа тех, кто проявил способности к научной и педагогической работе. «Второе поколение» в 1950-х гг. составили вскоре после окончания кафедры и ее аспирантуры Г.Е. Марков, М.В. Витов и Г.Г. Громов (он, к слову, был первым дипломником Клавдии Ивановны), а позже и Л.Б. Заседателева. А в 1960 г. на кафедру был принят еще один ее выпускник, Л.П. Лашук. Защитив диплом в 1950 г., он 10 лет проработал в Коми филиале АН СССР в Сыктывкаре, где стал кандидатом наук и опытным исследователем-полевиком. По «региональным интересам» новое пополнение распределилось так: Г.Е. Марков вел тематику по этнографии Средней Азии, а также зарубежной Азии, Г.Г. Громов по восточным славянам, М.В. Витов по европейскому северу России (включая этническую антропологию севера и северо-запада СССР). Л.П. Лашук специализировался по этнографии финно-пермских народов и по народам Сибири. К.И. Козлова с самого начала читала лекции и руководила дипломниками не только по региону Урало-Поволжья, но и по своей «старой» кавказской проблематике.

Аспирантка МГУ им. М.В. Ломоносова
Козлова К.И. Октябрь, 1946 год.

Особое место в жизни и творчестве Клавдии Ивановны занимал ее семейный союз с выдающимся отечественным этнологом Львом Павловичем Лашуком. Их совместная жизнь продолжалась 30 лет: от переезда Лашука из Сыктывкара в Москву в 1960 г. до его смерти в 1990-м. Знакомство их началось еще в 1940-е годы, когда Лев Павлович был студентом, а Клавдия Ивановна аспиранткой и затем преподавателем. Все годы его работы в Коми АССР они переписывались, а снова

встретились, став уже вполне сформировавшимися исследователями-профессионалами с более чем десятилетним опытом самостоятельной работы. Объединяло их и то, что оба занимались исследованием финно-угорских этносов, хотя и на разном, каждый на своем, материале: Лашук работал по исторической этнографии финно-пермских народов и европейского севера России, Козлова – поволжско-финских.

Оба ученых, получив базовое образование на кафедре, в своей уже самостоятельной работе продолжили разработку принципов подхода к изучению этнокультурных процессов прошлого и современности, профессиональное осмысление которых было глубоко заложено их учителями. Оно основывалось на системном видении взаимодействий этнолингвистического, хозяйственно-культурного и социально-этнического характера, разворачивающихся во времени и пространстве под влиянием сложных и разнохарактерных факторов, многие из которых далеко не всегда имеют зримо проявляемые и легко фиксируемые показатели. По этой причине выявление и анализ этнонациональной динамики – каждого нового качественного состояния этнических связей – представляет особую сложность для исследователя. Тем не менее этот путь исследования был пройден обоими учеными и реализован ими на

Л.П. Лашук и К.И. Козлова

Е.П. Мартынова, К.И. Козлова, Л.Б. Заседателева, Е.А. Пивнева, В.В. Карлов
на кафедре этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
февраль 2000 г. После защиты диссертации Е.П. Мартыновой

конкретном этнографическом материале на высочайшем профессиональном уровне. Основой для этого стало широкое использование лучших достижений ряда смежных дисциплин: этнографии, археологии, лингвистики, антропологии, – привлеченных и проанализированных адекватно задачам исследования.

В результате решения комплекса исследовательских задач, самоё постановку которых по праву можно считать следствием глубокого усвоения и понимания базовых принципов подхода к объекту изучения – этносу, заложенного их учителями, были созданы крупные работы Лашука и Козловой, их докторские диссертации. При этом их фундаментальные исследования – наглядное свидетельство развития и совершенствования авторами методики изучения динамики развития этноса, достижения им нового качественного уровня. Л.П. Лашук первым завершил и защитил в 1964 г. докторскую диссертацию «Этническая история и национальная консолидация коми (зырян)». В 1972 г. часть этого исследования была опубликована как монография (Лашук 1972). К.И. Козлова в 1969 г. защитила свое исследование о марийцах «Очерки исторической этнографии марийского народа» как докторскую работу, а в 1978 г. вышла ее монография «Очерки этнической истории марийского народа» (Козлова 1978).

Монография К.И. Козловой, целостно отражающая этническую историю марийцев – один из основных ее научных трудов. Концепция исследования и его методика полноценно характеризуют творческий «почерк» ученого. Во-первых, исследование основано на фундаментальной проработке обширного материала, прежде всего этнографического – результата более чем двадцатилетней работы по сбору полевых и архивных данных. Но они широко дополнены материалами смежных дисциплин, особенно лингвистики и археологии. Это позволило автору детально, шаг за шагом, реконструировать масштабную картину социально-исторического развития марийского общества. Она разворачивалась, согласно концепции К.И. Козловой, от «первичных» архаических локальных этноплеменных объединений глубокой древности через более зрелые «вторичные» (по характеристике автора – «этноплеменные образования средневековья на расширенном генетическом и территориально-соседском гетерогенном основании») к земляческим общностям времени развитого феодализма после включения в состав России. Последние же стали непосредственной основой марийской народности как «суммативной системы», ясно зримой

в этнокультурном отношении (Козлова 1978:7). Наиболее сильными сторонами К.И. Козловой как исследователя, ясно проявившимися в этой разработке, были: способность четко анализировать сложный и противоречивый исходный материал (безупречное владение всем возможным и доступным материалом навсегда стало само собой разумеющимся принципом творческого метода автора), делая из него научно корректные выводы; осознанное стремление не упрощать реальную историческую картину, напротив, искать по возможности адекватное этнокультурной действительности объяснение самым сложным явлениям и процессам. Одна из самых существенных сторон исследования К.И. Козловой – постоянный поиск и интерпретация фактических данных, способных охарактеризовать, оттенить каждый новый этап развития марийского общества, достижения им нового качественного состояния этнических связей. А ведь эта проблема до настоящего времени остается одной из самых трудно решаемых задач любого этнологического исследования. К.И. Козловой на марийском материале это удалось, пожалуй, в наиболее полной мере. А потому ее монографическое исследование за прошедшие уже десятилетия после выхода до сих пор не утратило актуальность и научную ценность.

Важное место в научной судьбе профессора Козловой занимала не менее трудоемкая и сложная работа, связанная с учебным процессом – подготовка учебников и учебных пособий. Клавдия Ивановна была неизменным автором всех четырех учебников по основам этнографии (этнологии) для студентов исторических факультетов, выпущенных в свет кафедрой. Ей принадлежит авторство глав о народах Кавказа, народах Поволжья, неславянских народах европейской части СССР (Основы этнографии 1968; Этнография 1982; Этнология 1994; Основы этнологии 2007).

Ею были изданы также два авторских учебных пособия. Одно из них посвящено народам Поволжья (Козлова 1964). Данное издание для студентов-этнологов до сих пор остается одной из лучших разработок сотрудников кафедры среди так называемых «региональных» пособий. За почти 60 лет после выхода в свет оно своей актуальности до сих пор не утратило, хотя давно стало раритетом. В этом относительно небольшом по объему тексте автору удалось довольно полно, ярко и красочно описать материальную и духовную культуру нескольких финно- и тюркоязычных народов Поволжья. Кроме того, книга Козловой была редким для 1960-х годов изданием по этнографии, где показана мате-

риальная культура не только в ее традиционном доиндустриальном, не тронутом экономическими изменениями, облике. В ней точно подмечены и проиллюстрированы тенденции перемен, вызванные влиянием окружения и торгово-промышленной цивилизации. Удивительно в этой работе и то, что несмотря на уже более полувека после ее выхода в свет оказалась почти не устаревшей самая уязвимая, с течением времени, часть, посвященная этногенезу, где этнолог сильно зависит от археологических исследований. Часто с их интенсивным развитием этногенетическая картина существенно меняется. И хотя археология Поволжья в прошедшие десятилетия активно развивалась, тем не менее автору удалось настолько глубоко проникнуть в суть археологических разработок в Поволжье, уловить основные тенденции исторического процесса в древности, что очерк этногенеза в книге в целом остался соответствующим реальной картине. И это тоже свидетельство уровня профессионализма этнолога Козловой: имя ее было и осталось достаточно авторитетно также и в такой смежной области знаний, как археология. Не случайно со многими известными исследователями археологии Поволжья и Приуралья, в частности, А.Х. Халиковым и Е.И. Горюновой, ее связывала многолетняя личная дружба, так же как и с поволжскими коллегами-этнологами Е.П. Бусыгиным, Р.Г. Кузеевым, Г.А. Сепеевым и другими.

По-своему интересно и другое учебное пособие К.И. Козловой по истории первобытного общества и основам этнографии, написанное для студентов-заочников и выдержавшее 2 издания (*Козлова* 1967, 1972). Оно привлекает прежде всего тем, что демонстрирует редкое умение автора в столь сжатой форме (объем около 9 п.л.), но тем не менее точно, доходчиво, эмоционально и ярко изложить основы даже не одной, а двух, хотя и взаимосвязанных, но самостоятельных дисциплин.

Помимо основной научной и педагогической работы Клавдии Ивановне пришлось немало сил и времени уделять разнообразной организационной деятельности. 16 лет, с 1957 по 1973 гг., когда кафедрой этнографии заведовал профессор Сергей Александрович Токарев, К.И. Козлова была заместителем заведующего. Но основным местом работы Токарева оставался институт этнографии АН СССР, то есть главная организационная работа на кафедре лежала на ней. Организационно-научной работы хватало и помимо кафедры: в течение одиннадцати лет (1974–1985) К.И. Козлова была бессменным экспертом по этнографии экспертного совета ВАК (сначала по кандидатским, а за-

тем по докторским диссертациям), где ей приходилось знакомиться с диссертационными делами во «всесоюзном масштабе». Принципиальность эксперта Козловой, никогда не изменявшей целям поддержания высокого профессионального уровня науки, была хорошо известна и высоко ценилась научным сообществом.

Но, разумеется, важнейшее место в работе и жизни Клавдии Ивановны занимало преподавание. За долгие годы работы на кафедре ей доводилось читать много различных курсов. Кроме этнографии Урало-Поволжья (эту тематику она вела с самого начала и до конца работы на кафедре), это были и «Этнография народов СССР», и история социальной организации в первобытном обществе, и этнография Кавказа, и курс о семье и семейном быте народов страны. Многие годы К.И. Козлова читала также общий курс по основам этнографии и истории первобытного общества для 1 курса вечернего отделения.

Я хорошо помню Клавдию Ивановну как лектора с начала специализации на кафедре. Ее отличали широта и глубина профессиональной эрудиции в преподаваемом предмете, свободное владение материалом, но особенно запомнилась четкость и логически выверенное построение излагаемой темы, удивительная простота и ясность изложения, каким бы сложным ни был излагаемый материал. Ее лекции прекрасно запоминались. Кроме того, в ее интерпретации материала чувствовалось достигнутое опытом исследований профессиональное этнологическое видение предмета, умение оттенить этническую специфику изучаемого народа, подметить его тончайшие этнопсихологические характеристики. Все это неизменно привлекало студентов и стимулировало их к овладению избранной профессией.

За 56 лет преподавания невозможно подсчитать, сколько дипломников выпустила профессор Козлова. Их у нее было много почти каждый год, а в иные годы их число доходило до 7-8 и более человек. Но никогда не приходилось слышать ни от кого никаких жалоб на то, что руководитель ими не занимается. Она не только находила время для всех, но и готова была заниматься будущими коллегами столько, сколько нужно, не считаясь ни с чем. То же самое можно сказать о ее аспирантах, многие из которых ныне сами стали, пройдя школу Козловой, авторитетными специалистами. И многочисленные ученики платили своему профессору искренним уважением и преданностью.

Успешную учебную работу К.И. Козловой можно объяснить не только ее высоким профессиональным мастерством преподавателя

и ученого, но и тем, что в этом человеке удивительно сочетались такие важные человеческие качества, как абсолютная добросовестность в исполнении своих обязанностей, чего бы это ни стоило, исключительная порядочность, полная отдача любимому ремеслу, доброжелательность и отзывчивость, необыкновенное терпение, житейская мудрость. Все это притягивало к ней и студентов, и аспирантов, и коллег в университете и Академии. Наверное, не было такой проблемы, с чем любой из круга ее общения – студент, аспирант, сотрудник или просто знакомый – не мог бы к ней обратиться, зная при этом, что всегда найдет и понимание, и поддержку, и конкретную помощь, если это только в ее силах. Поэтому во многих учебных и научных центрах нашей страны, странах СНГ, Балтии, на Кавказе упоминание имени К.И. Козловой вызывало самые добрые эмоции и теплые чувства. То же самое можно сказать о ее учениках в таких странах как Германия, Венгрия, Финляндия, США, Южная Корея и др.

Рассказывая о трудовой жизни К.И. Козловой, нельзя не упомянуть и обойти вниманием место в ней этнографических экспедиций. Именно полевая работа в значительной степени сформировала ее как этнолога-профессионала, она, несомненно, была одним из главных оснований ее научной и педагогической карьеры. За время работы на кафедре под ее руководством прошли 37 экспедиционных выездов, и это не считая самостоятельных экспедиций в аспирантские годы. Она побывала со студентами в разных регионах Советского Союза: почти во всех республиках Поволжья и Приуралья, в Армении, в Прибалтике, в Сибири – в Приобье и в Забайкалье. Все они были совсем не «экскурсионными прогулками» практикующихся студентов, в их ходе велась активная и серьезная научно-исследовательская работа, где студенты и аспиранты под руководством Клавдии Ивановны получали навыки полевых исследований и сбора этнографической информации, да и просто бесценный опыт общения с людьми, столь необходимый в профессии этнолога.

Качества этнолога Козловой как исследователя-полевого надо отметить особо. Природа наделила Клавдию Ивановну редким даром общения. Автору этих строк, к сожалению, не довелось поработать с К.И. Козловой в поле, но очень легко представить себе стиль работы этнографа Козловой: мне многократно приходилось наблюдать ее неповторимую по простоте и естественности манеру общения с самыми разными людьми и на научных конференциях и совещаниях, и просто в бытовой обстановке. Меня всегда впечатляло настоящее искусство

профессора Козловой наблюдать жизнь и быт в самых разнообразных проявлениях, подмечая при этом и самое основное, и неуловимые, на первый взгляд, детали.

А когда приходилось быть свидетелем того, как Клавдия Ивановна вела разговоры с людьми, даже незнакомыми, возникало ощущение какой-то магии или алхимии. Невозможно рационально понять, как ей удавалось не просто разговаривать собеседника, но и вызвать у него желание самому рассказать все как можно подробнее. Это был настоящий природный дар. Такими исключительными редкими способностями общения наделены, к сожалению, далеко не все этнологи. Из коллег, с кем довелось быть знакомым, такими же качествами обладал разве что Ю.Б. Симченко. В этом смысле многочисленным ученикам и ученицам Клавдии Ивановны, прошедшим ее школу полевой работы, можно только позавидовать «белой завистью».

В заключение остановлюсь на вынесенном в заглавие текста суждении о роскоши как составной части профессионального ремесла этнолога. Такое сравнение навеяно когда-то сказанными словами Антуана де Сент-Экзюпери о том, что самая большая роскошь, дарованная человеку – это общение. Но ведь в работе этнолога-полевика общение действительно обязательная и очень важная составная часть ремесла. Сказать, что Клавдия Ивановна Козлова владела этим ремеслом в совершенстве – слишком мало. В ее жизни и работе общение было настоящим искусством. Поэтому ее большая, насыщенная событиями и непростая трудовая жизнь, которую это искусство сопровождало, сделало профессора Козлову по-настоящему счастливым человеком, с полными основаниями оценившим свой трудовой путь как «56 лет этнографического счастья». Остается только пожелать ее ученикам и коллегам, новому поколению сотрудников кафедры и вообще этнологам продолжить служение науке и образованию в традициях, заложенных нашими великими учителями, в ряду которых заслуженно стоит имя профессора Козловой.

ЛИТЕРАТУРА:

Карлов В.В. 56 лет «этнографического счастья». Интервью с профессором К.И. Козловой // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею доктора исторических наук, профессора Клавдии Ивановны Козловой. М., 2012. С. 21–30.

Козлова К.И. История первобытного общества и основы этнографии. М., 1967; 2-е изд. М., 1972.

Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

Козлова К.И. Этнография народов Поволжья. М., 1964.

Лащук Л.П., Марков Г.Е. Кафедра этнографии // Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. М., 1984.

Основы этнографии / Под ред. С.А. Токарева М., 1968.

Основы этнологии / Под ред. В.В. Пименова. М., 2007.

Этнография / Под ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. М., 1982.

Этнология / Под ред. Г.Е. Маркова и В.В. Пименова. М., 1994.

§2. Советский профессор-этнограф Клавдия Ивановна Козлова: между идеалом и действительностью

Кафедра этнографии МГУ второй половины 1980-х годов была олицетворением неразрывности сильных и слабых сторон поздней советской эпохи и государственного патернализма. Брежневский «застой» создал уникальную ситуацию для советских гуманитариев: стабильное финансирование, высокий социальный статус науки и ученого в отсутствии внутринаучной конкуренции и внятных внешних критериев для оценки эффективности научной деятельности фактически позволяли удовлетворять интеллектуальное любопытство за счет казны и, в конечном итоге, превращали занятия наукой в самоцель. Однако утрата этнографией экспертного потенциала и отсутствие подлинной (а не имитационной) профессиональной востребованности, а также профессиональной верификации исследовательских процедур, хотя и обрели характер комфортной привычки, время от времени исподволь тревожили людей науки.

Обобщенный демографический портрет коллектива кафедры конца 1980-х годов¹ можно представить следующим образом. Профессора К.И. Козлова, Л.П. Лашук, Г.Е. Марков и доцент Г.Г. Громов принадлежали к той генерации этнографов, студенческие годы которой пришлись на 1940-е – начало 1950-х («толстовский» период). За ними следовало поколение выпускников кафедры «чебоксаровского» периода (первая половина 1950-х) Л.Б. Заседателева, В.В. Пименов и С.П. Поляков. Условно, младшую генерацию составляли В.В. Карлов, Ю.И. Зверева (выпускники кафедры «токаревского» периода) и А.А. Никишенков, оказавшийся на стыке «токаревского» периода и периода, когда кафедру возглавил Г.Е. Марков.

Кафедра избежала феномена «клановизации» столь характерного для поздней советской эпохи, но вовсе не была чужда группированию в том или ином виде. Основание такого группирования могли составить научная повестка, сходство исследовательских процедур, эмпатия (психоэмоциональное единство), преемственность в отношении того или иного интеллектуального кумира. Так Л.Б. Заседателева и Ю.И. Зверева подчеркивали свою почти «кровную» связь с С.А. Токаревым,

¹ Автор этого параграфа была зачислена в штат кафедры в 1987 г.

демонстрируя экстагическую приверженность его интеллектуальному стилю и человеческому обаянию. Л.П. Лашук и С.П. Поляков апеллировали к авторитету Н.Н. Чебоксарова, а В.В. Карлов, в свою очередь, считал себя учеником и последователем Лашука. К.И. Козлова получила азы профессиональной выучки под руководством Е.М. Шиллинга и М.О. Косвена, и, хотя сменила кавказоведческую специализацию в пользу изучения Урало-Поволжья, выстраивала прямую интеллектуальную преемственность со своими учителями. Г.Е. Марков, отдавая должное способности С.П. Толстова «генерировать идеи (иногда завиральные)», тем не менее, вел свою интеллектуальную «родословную» не от Толстова, а акцентировал человеческое и интеллектуальное влияние своего дяди, известного археолога и этнографа В.Н. Чернецова. А.А. Никишенков связывал свою «этнографическую специализацию» с Г.Г. Громовым, Л.П. Лашуком и Г.Е. Марковым – людьми настолько несхожими, что это коллективное первородство лишь подчеркивало самодостаточность и вселенское одиночество фигуры Алексея Алексеевича.

Несмотря на то, что члены кафедры самоопределялись в отношении разных «культурных героев», всех их объединяло уважение к этнографической традиции, хорошее знание истории этой традиции и ощущение вписанности в эту традицию. А еще безусловное приятие *всех* без исключения *предшественников* по этнографическому цеху, хотя сложная и неоднозначная раннесоветская история, порождала неоднозначные биографические коллизии и небесспорные репутации. Фигурами консенсуса среди классиков этнографической науки выступали Н.Н. Чебоксаров и С.А. Токарев, не только в силу их бесспорного интеллектуального потенциала, но и как наименее ангажированные политически, спокойные и *нормальные* представители своего времени. Оптимизм в восприятии настоящего питал позитивную картину прошлого (даже такого экстремального периода, как сталинская эпоха).

Преподавателей и сотрудников кафедры связывала единая социокультурная и ценностная рамка, единый концептуальный аппарат и конвенциональный научный язык. Устоялась этнографическая специализация членов кафедры: каждый обосновался в своем научном «доме», закрепив за собой тот или иной сегмент в структуре учебной подготовки. Высокая научная квалификация профессорско-преподавательского состава, сложившаяся и отвердевшая в формах система подготовки профессиональных кадров, статус одного из важнейших и

притом эталонного для провинциальных вузов, образовательных учреждений этнографического профиля гарантировали устойчивое поступательное развитие кафедры и создавали иллюзию незыблемости статус-кво.

Разумеется, состояние кафедры не выглядело абсолютно статичным. Определенная динамика присутствовала. Она была связана с профессиональными дискуссиями, например на страницах журнала «Советская этнография» (Тумаркин 2003: 212-229), в которых члены кафедры (В.В. Карлов, Л.П. Лашук, Г.Е. Марков) принимали активное участие. Однако дискуссии инициировались Институтом этнографии, но не исходили из стен университетской кафедры. Внутридисциплинарная динамика (особенно заметная с конца 1980-х годов) практически не отражалась в структуре учебной подготовки, хотя содержание дискуссий и новейшие подходы в адаптированном виде инкорпорировались в содержание лекционных курсов. Последнее обстоятельство связано с присущим университетской кафедре здоровым консерватизмом: в содержание учебной подготовки включались идеи и концептуализации, устоявшиеся во времени и получившие статус конвенционального знания. Ситуацию на кафедре оживляли не только профессиональные дискуссии или поиск новаторских подходов в области содержания и методик преподавания, но стремление отстоять собственный научный домен и профессиональные границы, конкуренция за число дипломников и аспирантов, а также неизбежные в ситуации нормального состояния науки межличностные коллизии.

Приход на кафедру в 1986 г. в качестве заведующего В.В. Пименова практически совпал во времени с началом социоэкономических и политических пертурбаций, получивших название «перестройки». Находившийся на пике интеллектуального и личностного расцвета новый заведующий попытался динамизировать ситуацию на кафедре, имея в виду уже начавшуюся внутридисциплинарную динамику, а также изменение внешнего контекста, что открывало для этнографов «окно возможностей». Каких?

Воспаление межэтнических швов в пространстве СССР, «революция сверху», начатая М.С. Горбачевым и его командой, атмосфера общественного подъема второй половины 1980-х порождали надежду на то, что профессиональный и экспертный потенциал этнографии может быть востребован властью и обществом, и удастся повторить, а то и развить и углубить уникальный опыт 1920-х годов, когда этно-

логия оказалась на острие государственной политики и участвовала в государственном целеполагании. Именно эти соображения питали амбиции нового заведующего. Этносоциологическая лаборатория в совхозе «Щапово» под Москвой, а также своеобразный этнологический «кликбез» для представителей национальных диаспор и вообще лиц, административно связанных с этнонациональной проблематикой, инициированные кафедрой, создавали впечатление профессиональной востребованности. В конечном итоге, институциональным воплощением всех этих начинаний стала организация Центра прикладной этнологии как структурного подразделения кафедры. Но для поддержания и развития этих интенций необходимы были финансирование, кадры и внутрикафедральный консенсус в признании этих мероприятий приоритетными. Однако все это блистательно отсутствовало.

Если финансирование и кадровая обеспеченность (тесно взаимосвязанные) представляли собой внешние (объективные) обстоятельства, зависящие от государственных инстанций, то отсутствие единодушия коллектива кафедры представляло проекцию внутренних нестроений и конкуренции за право определять научную повестку кафедры. Само назначение В.В. Пименова на должность заведующего вызвало неоднозначную реакцию и даже недовольство, которое можно выразить фразой «назначают постороннего и без нашего согласия» (хотя формально Пименов был выпускником кафедры). Точками кристаллизации недовольства выступали карьерные амбиции некоторых членов кафедры, желание сохранить влияние в определенных научных доменах (например, финно-угроведении) и вообще консервативно-охранительные позиции в отношении классической этнографии (и это несмотря на этносоциологический крен в научных взглядах Л.П. Лашука), а также системы подготовки кадров и структуры учебной подготовки. Здесь работал когнитивный стереотип, выражаемый максимой «лучшее враг хорошего».

Если интеллектуальное измерение диалога о перспективах кафедры и конкуренции за право держать легитимирующий дискурс в отношении ее повестки обеспечивали мужчины, то скрытую пружину, волевое начало, несомненно, женщины. Одна из самых значимых фигур кафедральной жизни, Козлова, олицетворяла особую версию силы – стальной несгибаемый стержень в профессиональных дискуссиях и вообще в вопросах принципиальных и одновременно пластичность и гибкость любящей жены, верного соратника и друга.

Что сформировало личность Клавдии Ивановны? Каково было соотношение объективных биографических и социо-политических коллизий и субъективного начала (особенностей психотипа) в формировании картины мира и интеллектуального стиля профессора Козловой?

Социальное происхождение (из семьи рабочих) будущего профессора МГУ (Карлов 2004: 240) наглядно демонстрировало одно из ключевых достоинств советской системы – прекрасно работающие социальные лифты и подлинный демократизм. Надо признать очевидное – советам удалось решить проблему социокультурного раскола общества на «элиту» и «народ» – родовую «болячку» Российской империи. Вместе с тем, средняя советская эпоха, когда происходило личностное и профессиональное становление К.И. Козловой, с ее грандиозным мироустроительным проектом и пафосом титанического созидания, была пропитана просвещенческими гуманистическими идеями, обеспечивавшими определенную преемственность досоветской и советской интеллигенции.

Разумеется, «буржуазное» прошлое было отринуту или преодолено, и советская интеллигенция самоопределялась в отношении новых символов веры. Но неизменными оставались императивы служения стране и обществу, историзм и объективность как базовые методологические принципы, а также поиск научной истины. Устная традиция, архивные и литературные источники позволяли реконструировать, сделать узнаваемым интеллектуальный ландшафт имперской России последней трети XIX и начала XX столетия. Тот самый ландшафт, который взрастил новую идентичность ученого – разночинца, дарвиниста, прогрессиста, человека, «глубоко преданного науке и вместе с тем страстного общественника, просветителя» (Эймонтова 1985: 325). Научный этос и модели поведения российской интеллигенции рубежа XIX–XX столетий выглядели весьма привлекательными и легко воспроизводимыми. Лучшие ее представители (досоветской российской интеллигенции – Т.С.), в свою очередь, копировали немецкие академические традиции (именно Германия, начиная с петровской эпохи, была конституирующим Другим русской идентичности, а также системой соотнесения для интеллектуального сообщества России).

Преданность науке и непрерывное интеллектуальное самоусовершенствование, публикаторская активность, сочетание научной деятельности с общественными и гражданскими начинаниями, стиль чтения лекций, характер взаимоотношений с коллегами и студентами,

бытовые привычки и манера одеваться и держаться, – эти и многие другие черты интеллектуального слоя России рубежа эпох завораживали и будоражили массовую советскую интеллигенцию, вызывали бессознательное стремление подражать такому научному и человеческому стилю. Тем более что страна постепенно переходила из революционной фазы в фазу «нормализации» (при Н.С. Хрущеве и еще заметнее при Л.И. Брежнев), а негативизм в отношении «буржуазного» наследия сменился его спокойным, сбалансированным и рациональным восприятием, что предполагало частичную реабилитацию досоветского прошлого, в особенности его демократической прогрессистской струи, народнического пафоса сочувствия низшим слоям, оппозиционности в отношении самодержавной власти и т.д.

Досоветский стиль российской университетской интеллигенции, несомненно, был одним из источников вдохновения советского профессора К.И. Козловой и сыграл немалую роль в формировании ее личностных и профессиональных констант. К пониманию этих констант автор заметок пришла не сразу. Многогранная и многослойная личность Клавдии Ивановны раскрывалась постепенно – грань за гранью, слой за слоем. Здесь уместна аналогия с хорошей, глубокой книгой, которую читаешь и перечитываешь, неизменно открывая что-то новое, подчас перечеркивающее первоначальное впечатление.

Первое, что бросалось в глаза в момент знакомства, при восприятии фигуры К.И. Козловой – это ее незаурядная внешность. Миниатюрная женщина с испытующим взглядом и явственной харизмой. Строгий и немного аскетичный облик и стиль одежды – отутюженное платье «джерси», скромная нитка жемчуга, аккуратные туфельки на небольшом каблучке, накрахмаленные носовые платки, гладко причесанные волосы, лицо без намека на косметику, будто только что умытое ледяной водой. Словом, в лучших образцах эмансипирующейся женщины имперской России рубежа веков, включающейся в образовательный и культурный процесс и демонстрирующей гражданский и политический активизм наравне с мужчинами.

Следующий срез знакомства с К.И. Козловой – это демонстрируемый ею стиль коммуникации, в первую очередь, межличностный уровень общения. Импонировало подчеркнуто уважительное обращение на «Вы» вне зависимости от возраста или административного статуса визави, но одновременно человеческое внимание и искренняя заинтересованность в собеседнике. (В этой манере общения явно прослежи-

ваются тропы лучших традиций образованного слоя России.) Клавдия Ивановна общалась с людьми не ради профформы, а казалось, пыталась проникнуть в самое их нутро, просканировать, чтобы опознать «своего» по духу. Мне лестно вспоминать, что визуальный и вербальный фильтры в общении с профессором я прошла успешно, заслужив ласковое прозвище «Соловушка».

По отношению к собственным ученикам и аспирантам К.И. Козлова воспроизводила классическую «кружковую» манеру общения, явно унаследованную от передовой профессуры российских университетов. Клавдия Ивановна не только формировала профессиональную компетенцию, щедро передавая знания и навыки, не только направляла своих аспирантов и докторантов в интеллектуальном смысле, но выступала в роли наставника и опекуна в общечеловеческом смысле. Ее дом был открыт для молодых коллег, где разговаривали много и обо всем – о науке, о текущей политической ситуации, о жизни, о любви, о кулинарии. Но все это только с теми, кто прошел строгий моральный и интеллектуальный отбор профессора Козловой. Границы между «своими» и «всеми остальными» Клавдия Ивановна проводила отчетливо, быть может, несколько прямолинейно, но зато абсолютно честно. Полагаю, подобная селекция неизбежно выступает отправной точкой складывания научной школы.

Что касается стиля профессиональной коммуникации Козловой, то я могла наблюдать его во время заседаний кафедры, которые были весомым элементом функционирования нашего коллектива особенно на рубеже 1980–1990-х гг. и в последующее десятилетие. Надо признать, что тогдашние заседания кафедры представляли собой уникальный жанр университетской жизни: они не сводились к формальному обсуждению рабочих вопросов вроде утверждения тем курсовых и дипломных работ или аттестации аспирантов, но в них присутствовали подлинно научная повестка, дискуссионность и эмоциональный накал. Заседаний кафедры ждали, к ним готовились, заранее обдумывая не только выступления, но и каждую реплику; это был прекрасный плацдарм для интеллектуального самовыражения, обкатки свежих идей и презентации научных статей и монографий. И не только. Здесь схлестывались темпераменты, блистали полемические таланты, искрились юмор и сарказм, кипели подлинные человеческие страсти.

Сцена и декорации этого интеллектуального спектакля определялись рассадкой лиц: у каждого члена кафедры было свое излюбленное

место, и этот чинный порядок никогда не нарушался. Клавдия Ивановна и Лев Павлович садились обыкновенно спиной к окну и не за большим столом, и этот (скорее, бессознательный, нежели рациональный) выбор диспозиции символизировал как минимум самостоятельность и самодостаточность, но и оппозиционность новому заведующему, восседавшему во главе стола. Роли участников тоже были давно распределены и неизменны. Выступления В.В. Пименова с их выраженной театральностью и драматическими эффектами, провоцирующие вбросы Г.Г. Громова, аргументированно-спокойные оппонирующие высказывания Л.П. Лашука, дипломатичные эскапады Л.Б. Заседательской, интеллигентная дискуссионность В.В. Карлова, интеллектуально-изошренная риторика А.А. Никишенкова, чеканные формулировки Г.Е. Маркова, – все это составляло диалог людей науки, связанных единой концептуальной рамкой и говорящих на одном (конвенциональном) научном языке. Подчеркну: слово «спектакль» не несет иронического смысла, но описывает внешнюю форму, антураж кафедральных дискуссий, наполненных *серьезным* научным содержанием.

Клавдия Ивановна даже в этом разнообразии психотипов и темпераментов ярко выделялась стилем профессионального диалога: очень внимательно слушала собеседников, ни на секунду не отвлекаясь и не теряя нить дискуссии, а ее реплики и высказывания были убийственно точны и обескураживающе откровенны. Козлова практически не использовала эзопов язык, эвфемизмы или систему кодов. Прямота ее высказываний и суждений стимулировала любопытный психологический эффект: вводила оппонента в состояние раздражения и вынуждала «расчехляться», *явно* обнаруживая интеллектуальную и моральную позицию.

Важно отметить, что полнота и точность стенографической фиксации хода и содержания заседаний кафедры, которая обеспечивалась усилиями Т.Г. Мунчаевой, превращает эти материалы в бесценный историографический источник – хронику научной жизни и хронику истории страны в контексте эпохи.

Мне не довелось систематически слушать лекционные курсы Клавдии Ивановны. Вместе с тем отдельные лекции и даже фрагменты лекций, которые стали мне доступны, позволяют реконструировать педагогический стиль профессора Козловой. Его сильные стороны составляли пунктуальность и собранность (Клавдия Ивановна никогда не опаздывала и не позволяла это другим), энергичный, темперамент-

ный характер речи, высокая теоретичность изложения и одновременно опора на личный полевой опыт, умение установить не только прямую, но и обратную связь со студентами, вовлечь их в диалог, предельная корректность и ровность по отношению ко всем слушателям, сугубая объективность при выставлении оценок. В этом смысле К.И. Козлова выступала представителем большого академического стиля, характеризующего эпоху высокого модерна.

Что касается характеристики научных воззрений Клавдии Ивановны, то их полнота и целостность могут быть поняты только в быстро менявшемся социополитическом и историко-культурном контексте последнего двадцатилетия XX века. Главное содержание научного этнологического дискурса конца 1980-х годов составила дискуссия о предмете этнографии, а также нарастающая критика советской теории «этноса» – ключевого теоретического продукта отечественной этнологии.

Что касается дискуссии о предметных рамках этнографии и ее месте в системе наук, то она вызревала давно. Ее отправной точкой можно считать статью С.А. Токарева «О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран» (1967), где тонкий знаток истории русской и зарубежной этнографии выразил тревогу в отношении размывания качественной специфики этнографии, которой угрожало выпадение из семьи исторических наук и превращение из самостоятельной институционализированной дисциплины в часть неструктурированного (прежде всего, социополитического) знания о современности.

Необходимо пояснить, на чем основывалось беспокойство патриарха отечественной этнографии. Концепция этноса – основополагающее теоретическое направление советской этнографии 60–80-х годов XX в. стимулировала формирование на периферии этнографии суб- и пограничных научных дисциплин, в том числе этносоциологии, этносоциолингвистики, этнопсихологии, этнодемографии, этноэкологии (Арутюнян, Дробизжева 2003; Губогло 2003). Эти дисциплины рассматривались отечественными учеными как важный инструмент анализа современности. Вместе с тем их появление свидетельствовало о серьезных сдвигах в структуре этнографии и ее качественной определенности. На первый взгляд речь шла о расширении предметных границ этнографии, что, в свою очередь было спровоцировано кардинальным изменением контекста объекта исследования – *этнической традиции*, которая из деревни и истории переместилась в город и современность.

Однако возможны две концептуализации традиции – узкая и широкая. Узкая состоит в том, что традиционная этнографическая тематика накладывается на настоящее и адаптируется к нему, в современности разыскивается традиция. В широкой концептуализации современность оказывается не антитезой этнокультурной традиции, а ее новым состоянием и развитием. В этом случае предмет этнографии потенциально охватывает всю современность, а не только ее взаимодействие с этнокультурной традицией.

В статье 1967 г. в присущей ему деликатной и ненавязчивой манере С.А. Токарев обратился к уточнению предметов этнографии и конкретной социологии в области изучения современного общества. Ученый руководствовался узким пониманием этнокультурной традиции. Формулируя специфическую проблематику этнографии и дифференцируя ее от социологии, ученый в то же время допускал их наложение: социолог, изучающий народ (то есть объект этнографии), выступает как этнограф и наоборот.

Хотя статья 1967 года *взывала* к дискуссии о предмете этнографии, на протяжении почти двух десятилетий обсуждение этой проблемы носило пунктирный и подспудный характер, приняв форму интенсивной публичной дискуссии лишь в 1987–1988 гг. (*Бромлей, Крюков 1987*), когда стал серьезно меняться общественно-политический контекст и болевые точки советской науки можно было открыто и безбоязненно подвергнуть внутрикорпоративному обсуждению. В дискуссии приняли участие и сотрудники кафедры, в частности, Г.Е. Марков. А если иметь в виду развитие полемики не только на страницах «Советской этнографии», но и в устной профессиональной коммуникации, дискуссия вовлекла в свою орбиту широчайший круг участников. Она, без преувеличения, охватила все научное этнографическое пространство страны – по горизонтали и по вертикали. Не вовлеченных практически не осталось: на кону стояло само существование этнографии в дисциплинарно-предметных рамках.

Представители старшего поколения этнографического сообщества (в том числе, профессура кафедры), прекрасно осведомленные в истории длительной борьбы этнографии за самостоятельный статус и приверженные традиционной проблематике, не могли не почувствовать угрозу профессиональной идентичности. С высоты сегодняшнего дня можно утверждать, что эта их обеспокоенность была далеко не беспочвенной.

Насколько можно судить, К.И. Козлова тяготела к токаревской версии концептуализации этнокультурной традиции и демонстрировала здоровый консерватизм и неприятие гиперкритических, нигилистических трактовок советского наследства в этнографии.

Настоящим «тестом» на морально-психологическую и профессиональную целостность на рубеже 1980–1990-х годов стала дискуссия о природе этноса/этничности, участники которой маркировали свои позиции терминами «примордиализм» и «конструктивизм».

Теория этноса, сформировавшаяся в 1960–1970-х гг. в теоретической лаборатории советской этнологии, стала ответом на кардинальное изменение мирового и внутрисоюзного контекста, где даже обывательскому взгляду был очевиден взрыв этничности и подъем национализмов. Теория этноса интегрировала традиционную и новую этнографическую проблематику, позволяя охватить развитие этнической «субстанции» в длительной исторической ретроспективе, связать прошлое с настоящим и даже заглянуть в перспективу. В отличие от западной теории «этничности», обобщающей локальный (преимущественно европейский) опыт, советская теория этноса носила универсальный характер и отличалась подлинным историзмом.

В советском контексте в профессиональной среде теория этноса ассоциировалась с именем Ю.В. Бромлея, а в постсоветскую эпоху и среди широкой публики – с именем Л.Н. Гумилева. В то время как Бромлей склонен был считать этнос дуальной, биосоциальной сущностью, Гумилев предложил стилизованную фразеологией современной генетики ландшафтно-географическую концепцию этноса. Обе версии – «официальная» и «еретическая» – сходились в двух ключевых пунктах: констатации онтологичности этноса и, одновременно, в признании отсутствия надежных критериев определения, выделения этнической субстанции.

В разработке теории этноса в разное время участвовали такие видные советские этнографы, как В.И. Козлов, П.И. Кушнер, Л.П. Лашук (*Лашук* 1968), П.И. Пучков, С.А. Токарев (*Токарев* 1964), Н.Н. Чебоксаров (*Чебоксаров* 1967). Лашук, Токарев и Чебоксаров были самым тесным образом связаны с университетской кафедрой этнографии и обращались к теории этноса в своих лекционных курсах.

Если в интерпретации этих ученых акцент делался на онтологии этнической общности, то в предложенной В.В. Пименовым «компонентной теории» этноса внимание было сфокусировано на гносеоло-

гических аспектах (Пименов 1977). Впрочем, это различие касалось скорее аналитического метода, не отделяя Пименова от лагеря этнографов, числивших этнос реальной сущностью.

Необходимо подчеркнуть, что для К.И. Козловой онтологичность этноса являлась *sine qua non*, причем подобное понимание диктовалось отнюдь не готовностью присоединиться к мнению большинства или разделить господствующую теоретико-методологическую рамку (по своим волевым качествам профессор Козлова была способна идти против течения), но вытекало из персонального обширного полевого опыта, в ходе которого ученый имела дело с этнической материей и проявлением этнического.

Вместе с тем, надо признать, что все без исключения модификации, варианты, разновидности концепции этноса находились (и находятся) в плену фундаментального противоречия: констатация онтологичности этноса соседствовала с невозможностью научными методами схватить и описать этническую субстанцию. Это открыло возможность для уничтожающей критики теории этноса – краеугольного камня советской теоретической этнографии. Эта критика публично прозвучала на исходе 1980-х и приобрела максимальное звучание в последнее десятилетие XX века (Соловей 2022: 475-489).

Теоретические и методологические установления советской этнографии, несомненно, нуждались в критике, но не уничтожительно-беспощадной, элиминирующей все, что было сделано в XX веке. Кроме того, критика бесплодна без выдвижения позитивной альтернативы. Парадокс конструктивизма состоял в том, что, будучи весьма убедителен и остроумен в критике примордиализма, он (конструктивизм. – Т.С.) демонстрировал теоретическую беспомощность и бессодержательность в своем позитивном утверждении.

В содержательном плане оппозиция «конструктивизма» и «примордиализма» (под который подверстывалась теория этноса) изначально выглядела малоубедительной, а их антагонизм представлял собой *ситуативный* момент в контексте динамичного дискурса о национальном/этническом. Кроме того, обе парадигмы оказались одинаково неспособны объяснить характер и природу того, с чем имеют дело, а их базовые концепты одинаково носят идеальнотипический характер.

Осмелюсь предположить, что напряжение и интенсивность соответствующей дискуссии в постсоветской этнологии были вызваны факторами не интеллектуального порядка. Подлинную и тщательно

скрываемую подоплеку теоретической дискуссии составляла борьба за ресурсы и власть в науке, где конкурирующие сообщества опознавали друг друга и легитимировали свои претензии с помощью методологических парадигм.

Опознавательным знаком и сущностью переживавшейся Россией эпохи 1990-х годов стал Хаос – политический, экономический, социальный, разруха в головах. Теоретический багаж советской науки был низвергнут с «корабля современности», а на пьедестал возведены «чужие боги». Критике подвергнуты общепринятое знание и «само собой разумеющиеся» понятия и нормы. Идея научной объективности дезавуирована, а любые устойчивые ценностные иерархии и моральные основания разрушены. В жизнь людей науки вторгалась новая жестокая действительность с «рынком образовательных услуг», с социальной инфляцией статуса профессора университета, с мизерными зарплатами.

Профессиональная и моральная цельность профессора Козловой выдержала проверку на прочность в период научного «раздрая» 1990-х годов. Даже в это трудное время ей удалось обеспечить приверженность академическому стилю в науке и преподавательской деятельности, избежать деформирующего воздействия воинствующего постмодернизма и сохранить себя как личность.

ЛИТЕРАТУРА:

Арутюнян Ю.В., Дробижнева Л.М. Этносоциология: некоторые итоги и перспективы // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы / Отв. ред. С.Я. Козлов. М., 2003. С. 87–102.

Бромлей Ю.В., Крюков М.В. Этнография: место в системе наук, школы, методы // СЭ. 1987. № 3. Обсуждение статьи см.: СЭ. 1987. № 4; СЭ. 1987. № 5; СЭ. 1987. № 6; СЭ. 1988. № 1.

Губогло М.Н. Этническая социолингвистика (1970–1980-е годы) // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы / Отв. ред. С.Я. Козлов. М., 2003. С. 102–138.

Карлов В.В. Козлова Клавдия Ивановна // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 240–241.

Лашук Л.П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов // СЭ. 1968. № 1.

Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977.

Соловей Т.Д. История российской этнологии в очерках. XVIII – начало XXI в. М., 2022.

Токарев С.А. Проблемы типологии этнических общностей. (К методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11.

Токарев С.А. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран // СЭ. 1967. № 5.

Тумаркин Д.Д. Ю.В. Бромлей и журнал «Советская этнография» // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы / Отв. ред. С.Я. Козлов. М., 2003. С. 212–229.

Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. 1967. № 4.

Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985.

АВТОРЫ

Бахматова Марина Николаевна кандидат исторических наук, заместитель заведующего, доцент кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) – § 9, Глава 3.

Ведерникова Тамара Ивановна кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии, музеологии и искусствоведения Самарского государственного института культуры (г. Самара) – § 7, Глава 3.

Владыкин Владимир Емельянович доктор исторических наук, профессор, член Союза писателей России (г. Ижевск) – § 4, Глава 1.

Иванов Ананий Герасимович доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола) – § 6, Глава 1.

Казьмина Ольга Евгеньевна доктор исторических наук, заведующая кафедрой этнологии, заместитель декана по международному сотрудничеству исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) – Введение; Место заключения.

Карлов Виктор Владимирович доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) – § 1, Глава 1; Место заключения.

Касимова Диана Габдулловна кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко (г. Глазов) – § 4, Глава 3.

Кережи Агнеш доктор исторических наук (г. Будапешт) – § 3, Глава 2.

Косарева Ирина Алексеевна кандидат исторических наук, доцент кафедры изобразительного искусства и художественной культуры Удмуртского государственного университета (г. Ижевск) – § 2, Глава 3.

Мартынова Елена Петровна доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого (г. Тула) – § 3, Глава 1; § 1, Глава 3.

Молотова Тамара Лаврентьевна кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории имени В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола) – § 2, Глава 2.

Половинкин Павел Владимирович председатель Самарской общины Древлеправославной Поморской церкви (г. Самара) – § 7, Глава 3.

Попова Елена Васильевна кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО Российской академии наук (г. Ижевск) – § 4, Глава 3.

Семибратов Владимир Константинович кандидат культурологии, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Кировского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета (г. Киров), член Союза писателей России – § 4, Глава 2.

Серебrenникова Тамара Львовна, преподаватель истории и основ духовно-нравственной культуры народов России в школе № 1329 (г. Москва) – § 5, Глава 1.

Соловей Татьяна Дмитриевна доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) – § 2, Глава 1.

Устьянцев Герман Юрьевич кандидат исторических наук, ассистент кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) – § 1, Глава 2; Вместо заключения.

Шигурова Татьяна Алексеевна кандидат исторических наук, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов института национальной культуры Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва (г. Саранск) – § 6, Глава 3.

Шилов Николай Владимирович доктор исторических наук, профессор кафедры юридических дисциплин ОЧУ ВО «Еврейский университет» (г. Москва) – § 5, Глава 3.

Ягафова Екатерина Андреевна доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой философии, истории и теории мировой культуры Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара) – § 8, Глава 3.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение. Традиции кафедры этнологии, наследие учителей и научная биография К.И. Козловой</i>	7
Глава 1. Клавдия Ивановна Козлова. Ученый. Учитель.	
Человек	18
§1. Трудовая жизнь профессора К.И. Козловой: роскошь как составная часть профессионального ремесла	18
§2. Советский профессор-этнограф Клавдия Ивановна Козлова: между идеалом и действительностью	33
§3. Клавдия Ивановна Козлова: вспоминая Учителя и Ученого	47
§4. Матриарх кафедры этнологии	52
§5. Учитель: воспоминания ученика.	63
§6. Из писем и личного общения с профессором К. И. Козловой: «...Я должна сдержать обещанное слово».	65
Глава 2. Марийские исследования – главная научная любовь К.И. Козловой	74
§1. Проблема этнической классификации марийцев в отечественном исследовательском дискурсе XX–XXI вв.	74
§2. Современная марийская вышивка и роль народных студий в ее развитии	88
§3. История музеефикации и анализ марийских сакральных предметов С.К. Кузнецова в Этнографическом музее Венгрии	100
§4. Марийцы Каксинвайской округи. Из воспоминаний этнографа	129
Глава 3. Финно-угорская и Урало-Поволжская этнологическая мозаика: историография, поле, современные тенденции	139
§1. Род в проблемном поле обско-угорской историографии	139
§2. Изучение этнографических групп удмуртов	156
§3. Татары Удмуртии: локальные группы, этничность, религиозные практики	162

§ 4. Современный общественный праздник бесермян: от деревенского моления к фестивалю	177
§ 5. Историография этнополитической истории Республики Мордовии	195
§ 6. Традиционная женская одежда середины XIX в. села Адашево Инсарского уезда по материалам архива РГО	202
§ 7. Старообрядческие общины мордвы Самарского края в XIX – начале XX века	213
8. Религиозные практики чувашей на рубеже XX–XXI вв.: традиции и их трансформация	225
§ 9. Финно-угроведение в итальянской научной традиции: специфика подхода	238
<i>Вместо заключения. Перспективы финно-угроведения на кафедре этнологии.</i>	<i>247</i>
<i>Приложение. Козлова Клавдия Ивановна.</i>	
Список опубликованных трудов	251
Авторы	255

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru
.....

.....
**ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»**
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)
8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspbe
.....

в Москве:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, Малый Пнездниковский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru
.....

Научное издание

НАУЧНЫЕ МИРЫ ПРОФЕССОРА К.И. КОЗЛОВОЙ –
к столетию со дня рождения

Главный редактор издательства

Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*

Корректор *И. Е. Иванцова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,

e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: e-mail: aletheia92@mail.ru

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Фаланстер», М. Гнездиновский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэгресс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.

Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kļ. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 16,4. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Заказ №